

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2-2

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЕДИНИЦ ХРОНОМЕТРИЧЕСКОГО СУБКОДА В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»

Е.Н. Широкова

В статье на материале романа М.А. Булгакова рассматриваются текстовые функции хронометрического субкода. В результате комплексного анализа выявлены способы его семантического приращения и языковые средства выражения новых смыслов.

Ключевые слова: *темпоральный код языка, хронометрический субкод, эмотивный темпоральный субкод, аспекты времени, троп.*

Репрезентантом понятийной категории времени является темпоральный код языка, отражающий неоднозначность восприятия и осознания времени человеком. Неоднородность понятийной категории времени и вариативность языковых средств экспликации одного и того же внеязыкового содержания обуславливают неоднородность темпорального кода языка, в котором можно выделить онтологический, хронометрический, метаязыковой и эмотивный темпоральные субкоды. При этом эмотивный темпоральный субкод является репрезентантом эмотивного времени, связанного с переживанием хода времени, скорости его движения, континуальности и дискретности (подробнее об этом см.: [5, с. 69–103]).

Хронометрический темпоральный субкод представлен языковыми единицами, репрезентирующими членение временного потока и измерение времени. Некоторые исследователи выделяют хронографические, хронометрические и хронологические показатели времени. С помощью хронографических показателей осуществляется указание на определенное время, место события во времени, дату. Хронометрические показатели эксплицируют длительность событий, а хронологические – их последовательность [3, с. 122–123]. Мы не придержива-

емся такого узкого членения темпоральных показателей и к хронометрическим показателям относим все языковые единицы, являющиеся репрезентантами объективного (физического) времени.

В художественном тексте происходит трансформация единиц хронометрического субкода, сопровождающаяся его семантическими приращениями. Рассмотрим это на примере романа М.А. Булгакова «Белая гвардия»¹.

В романе с помощью хронометрического темпорального субкода осуществляется отсчет внешнего (исторического) времени, при этом абсолютный способ отсчета времени дополняется относительным: *год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй*. Взаимодействие абсолютного и относительного способов хронометрии формирует исторический фон, на котором осуществляется внутренняя хронометрия романа, также совмещающая абсолютный и относительный способы исчисления. При этом относительная хронометрия ведется с помощью обстоятельственных темпоральных показателей и референции к значимым событиям жизни (*много лет до смерти; как-то, в сумерки, вскоре после похорон матери*), например: **Через год после того, как дочь Елена повенчалась с капитаном Сергеем Ивановичем Тальбергом, и в ту неделю, когда старший сын, Алексей Васильевич Турбин, после тяжких походов, службы и бед вернулся на Украину в Го-**

род, в родное гнездо, белый гроб с телом матери снесли по крутому Алексеевскому спуску на Подол...

В результате взаимодействия внешней, связанной с историческим временем, и внутренней, связанной с повествовательным временем, хронометрии рассматриваемый субкод в романе приобретает дополнительную аксиологическую функцию. При этом семантическое осложнение хронометрических единиц создается в результате их взаимодействия с тропами, эксплицирующими отрицательную оценку.

Так, качественно-характеризующую позицию при темпоральных показателях занимают прилагательные, включающие семы 'горе', 'страдание', 'страх', например: *такое тяжёлое время; тяжёлое, тяжёлое время; время-то теперь ужасное; такое ужасное время; страшен год; страшного 18-го года; налетело страшное времечко*. Нагнетание негативной оценочности осуществляется не только за счет семных и лексических повторов, но и грамматическими средствами – использованием форм степеней сравнения прилагательных: *Все это мать в самое трудное время оставила детям; Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, но 1919 был его страшней; Восемнадцатый год... день ото дня глядит все грознее и щетинистей*. При этом прилагательное *щетиный* в текстовом пространстве романа взаимодействует с метафорой *щетины штыков* и тем самым соотносится с семантическим полем агрессии, войны.

Пересечение же исторического времени и личного времени Турбиных маркируется «агрессивными» метафорами деструктивного воздействия, например: *Алексею Васильевичу Турбину, старшему, – молодому врачу – двадцать восемь. Елене – двадцать четыре. Мужу ее, капитану Тальбергу, – тридцать один, а Николке – семнадцать с половиной. Жизнь-то им как раз перебило на самом рассвете; Ему показалось вдруг, что черная туча заслонила небо, что налетел какой-то вихрь и смыл всю жизнь, как страшный вал смывает пристань*.

Хронометрические единицы тесно взаимодействуют с показателями эмотивного времени и участвуют в выражении субъективного

ускорения времени, обусловленного насыщенностью событиями исторического и индивидуального времени. При этом хронометрические показатели сочетаются с предикатами, содержащими сему 'субъективное ускорение времени' или представленными нечленимыми словосочетаниями, организованными адвербиальными спецификаторами скорости и глаголами движения, например: *Но дни и в мирные и в кровавые годы летят как стрела, и молодые Турбины не заметили, как в крепком морозе наступил белый, мохнатый декабрь; Восемнадцатый год летит к концу; А время тем временем летело и летело, и, оказывается, налетали уже сумерки; Пэтурра. Было его жития в Городе сорок семь дней. Пролетел над Турбиными закованный в лед и снегом запорошенный январь 1919 года, подлетел февраль и завертелся в метели; Итак, был белый, мохнатый декабрь. Он стремительно подошел к половине*.

Еще большую смысловую нагрузку, чем единицы измерения времени, в романе имеют показатели времени – часы, с помощью которых для обыденного сознания объективируется движение реального времени. При этом уже в самом начале романа появляется оппозиция *время / часы*, в которой имя *время* репрезентирует время жизни, характеризующееся качественностью, неоднородностью и конечностью, а имя *часы* представляет реальное время, отличающееся количественностью, однородностью и бесконечностью: *...Время мелькнуло, как искра, умер отец-профессор, все выросли, а часы остались прежними и били башенным боем... Но часы, по счастью, совершенно бессмертны*.

Эта оппозиция коррелирует с оппозицией *временное / вечное*, которая в романе поддерживается перспективными включениями, изменяющими пространственно-временную перспективу повествования, что на языковом уровне организуется сменой видо-временных форм глагола: нарративные формы презенса и претерита сменяются формами футурума, например: *Все же, когда Турбиных и Тальберга не будет на свете, опять зазвучат клавиши, и выйдет к рампе разноцветный Валентин, в ложах будет пахнуть духами, и дома будет играть аккомпанемент женщины, ок-*

рашенные светом, потому что «Фауст», как «Саардамский плотник», – совершенно бессмертен; Все **пройдет**. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч **исчезнет**, а вот звезды **останутся**, когда и тени наших тел и дел не **останется** на земле.

Таким образом, в оппозиции *время / часы* проявляется авторская концептуализация времени. С помощью этой оппозиции не только вводится сквозной мотив романа – мотив быстротечности человеческой жизни, но и формируются такие антиномии, как *время – вечность, смерть – бессмертие*.

Как отмечает Д.А. Щукина, часы в романе являются традиционным иконическим знаком (часы – время), который «на основе коннотативных и ассоциативных значений начинает развивать новые смыслы (часы – вечность, часы – дом, семья, жизнь человека, его эмоциональный мир)» [6, с. 154]. При этом, по мнению исследователя, появляющаяся в романе метафора жизненных часов, с одной стороны, отражает склонность М.А. Булгакова к театрализации действительности, и «положение стрелок» на жизненных часах – на полудне и на половине шестого – соответствует полярным состояниям масок комедии и трагедии. С другой стороны, эта метафора является средством соотношения внутреннего мира человека с внешним миром, с включением жизни человека в природный, прежде всего суточный, цикл [там же, с. 149]. Другие исследователи выявляют сакральный смысл, связанный с этой метафорой. В частности, отмечается, что М.А. Булгаков время около пяти часов вечера считал самым мистическим и опасным временем суток [1, с. 87].

Кроме этого, часы в «Белой гвардии» выполняют еще одну функцию – являются репрезентантом эмотивного времени, тесно связанного с мотивом тревожного ожидания. Анализируя «Пиковую даму» А.С. Пушкина, В.В. Виноградов писал: «переживание времени – в томительном ожидании – символизируется синтаксическим строем предложений и отмечается повторяющимися сигналами» [2, с. 212]. Как правило, такими сигналами ожидания становятся часы, их визуальные и звуковые сигналы, фиксирующие счет времени. В романе сигналы ожидания маркируют эмоциональное состояние тревоги, обусловив-

шее переход к субъективному восприятию времени, и сигнализируют о наступившем состоянии темпоральной дезориентации.

В «Белой гвардии» эти повторяющиеся сигналы ожидания формируются с помощью взаимодействующих друг с другом разноуровневых повторов:

- повторов слов *стрелки, часы* и звукоподражаний *тонк-танк, тонкрх-тонкрх, бом*;
- корневых повторов (*часы, часишки*);
- синонимических повторов, репрезентирующих отсчет времени (*часы пробили, настучали, забили, пошли ходуном, били башенным боем*);
- повторов хронометрических единиц измерения суточного времени (*десять часов, четверть одиннадцатого, три часа дня*);
- повторов синтаксических конструкций, организованных предикатами восприятия, актантом объекта восприятия при которых являются часы (*посмотрела на часы, часов не слышно*);
- повторов предложений, в которых часы являются метафорой психологического или физического состояния персонажей или их эмотивного времени (*Давились презрительно часы: тонк-танк, и вылилась вода из сосуда; Тонк-танк. Часы ползли со стены и опять на нее садились; Стрелка переползает десятую минуту и – тонк-танк – идет к четверти одиннадцатого; Бежали часы, крутилась стрелка в столовой, и, когда на белом циферблате короткая и широкая пошла к пяти, настала полудрема*).

При усилении тревоги к традиционным сигналам ожидания (часам) добавляются новые, представленные метафорой жизненных часов, а к уже перечисленным видам повторов добавляется характерный для стиля М.А. Булгакова «особый тип лексического повтора – прием повтора одного и того же слова или сочетания слов в разных его значениях» [4, с. 55], в частности, взаимодействуют разные значения слова *час*, например: *Пятнадцатого декабря солнце по календарю угасает в три с половиной часа дня. Сумерки поэтому побегали по квартире уже с трех часов. Но*

на лице Елены **в три часа дня стрелки показывали самый низкий и угнетенный час жизни – половину шестого**. Обе стрелки прошли печальные складки у углов рта и стянулись вниз к подбородку. В глазах ее началась тоска и решимость бороться с бедой. На лице Николки показались колючие и нелепые **без двадцати час** оттого, что в Николкиной голове был хаос и путаница...; Лицо Анюты, хлопочущей в печальном сне у жаркой плиты, все явственней показывало **без двадцати пяти пять – час угнетения и печали**.

При пересечении эмотивного времени, обусловленного тревогой обитателей дома Турбиных, и исторического времени, события которого способствуют нагнетанию этого состояния, происходит объединение двух сигналов ожидания: жизненные часы связаны с внутренним пространством дома и являются сигналами ожидания исхода болезни Алексея Турбина, а обычные часы связаны с внешним пространством и оказываются сигналами ожидания прихода доктора. В результате слияния этих сигналов образ часов становится семантически емким и диффузным, например: *Глаза у всех стали страшно похожими, нахмуренными и сердитыми. Стрелки Николки сразу стянулись и стали как у Елены – ровно половина шестого. Николка поминутно выходил в столовую – свет почему-то горел в этот вечер тускло и тревожно – и смотрел на часы. Тонкрх... тонкрх... – сердито и предостерегающе ходили часы с хрипотой, и стрелки показывали то девять, то девять с четвертью, то девять с половиной...*

Итак, часы являются одновременно и репрезентантом счета объективного времени и метафорой психологического состояния персонажей, а жизненные часы – метафорой психологического состояния и репрезентантом основных свойств субъективного времени – его качественного характера, обратимости и дискретности. Взаимодействие этих тропов актуализирует изменения в психологическом состоянии персонажей, например: *...А лик Николки стал более осмысленным и не таким раздражающе упрямым, быть может, потому, что стрелка, благодаря надежде на искусство толстого золотого [докто-*

ра], разошлась и не столь непреклонно и отчаянно висела на остром подбородке. Назад от половины шестого к без двадцати пять пошло времечко, а часы в столовой, хоть и не соглашались с этим, хоть настойчиво и посылали стрелки все вперед и вперед, но уже шли без старческой хрипоты и брюзжания, а по-прежнему – чистым, солидным баритоном били – тонк! И башенным боем, как в игрушечной крепости прекрасных галлов Людовика XIV били на башне – бом!.. Полночь... слушай... полночь... слушай... Били предостерегающе, и чьи-то алебарды позвякивали серебристо и приятно.

При переходе к субъективному времени Алексея Турбина меняется характер репрезентации эмотивного времени. Так, дискретность времени выражается предикатом *вывалиться* при субъекте, эксплицированном хронометрическим показателем: *Затем несколько секунд вывалились из жизни Турбина, и, что во время их происходило, он не знал.*

Кроме того, эмотивное время старшего Турбина выражается конструкцией с предикатом незнания, при котором позиция актанта содержания ментального состояния замещается общим косвенным вопросом с семантикой хода объективного времени. С помощью модальной рамки предположения, организованной значением ирреальной модальности предиката и семантикой повторяющихся вводных слов при хронометрических показателях, актуализируется факт темпоральной дезориентации субъекта, вследствие чего имплицатурой косвенного вопроса становится субъективный аспект времени: *Сколько времени он так пролежал, сказать бы он не сумел: может быть, пять минут, а может быть, и много часов*. В следующем предложении (*Но, во всяком случае, ему казалось, что так лежать можно было бы всю вечность, в огне*) эксплицируется эмотивное время, репрезентированное показателем субъективного времени *вечность*. Сочетание имени *вечность* с квантором *весь* свидетельствует об осмыслении эмотивного времени с помощью пространственной метафоры. В выражении эмотивного времени также участвует предикат впечатления *казаться*, семантика которого коррелирует с модальностью возможности придаточной ча-

сти, что сигнализирует о восприятии времени сквозь субъектную сферу персонажа.

Таким образом, в художественной речи происходит семантическое осложнение единиц хронометрического языкового субкода, обусловленное текстовыми функциями последнего. В романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» хронометрический субкод вследствие взаимодействия его единиц с тропами, эксплицирующими семантические поля агрессии, страдания, страха, приобретает аксиологические приращения. Проявлением концептуализации времени в романе является оппозиция *время / часы*, связанная с противопоставлением разных аспектов времени и коррелирующая с оппозицией *временное / вечное*. Кроме того, хронометрические показатели, сочетаясь с единицами эмотивного темпорального субкода, участвуют в репрезентации эмотивного времени, введение которого обусловлено сквозным мотивом романа – мотивом тревожного ожидания. При этом хронометрические показатели суточного времени наряду с часами и метафорой жизненных часов становятся средством экспликации психологического состояния персонажей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее примеры приводятся по изданию: Булгаков М. А. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 1. – М. : Худож. лит., 1989. – С. 179–430.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березина, Н. В. Хронотоп ранней прозы М.А. Булгакова: лексический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Березина Наталья Владимировна. – СПб., 2006. – 235 с.
2. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1980. – С. 176–239.
3. Гак, В. Г. Пространство времени / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Язык и время. – М. : Индрик, 1997. – С. 122–131.
4. Николина, Н. А. Филологический анализ текста / Н. А. Николина. – М. : Академия, 2003. – 256 с.
5. Широкова, Е. Н. Темпоральный код языка и его эмотивный субкод / Е. Н. Широкова. – Н. Новгород : НГПУ, 2010. – 189 с.
6. Щукина, Д. А. Пространство как лингвокогнитивная категория (на материале произведений М.А. Булгакова разных жанров) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Щукина Дарья Алексеевна. – СПб., 2004. – 357 с.

FUNCTIONING OF UNITS OF CHRONOMETRIC SUBCODE IN THE NOVEL “THE WHITE GUARD” BY M.A. BULGAKOV

E.N. Shirokova

Text functions of a chronometric subcode in M.A. Bulgakov's novel are considered in the paper. Language ways of its semantic complication and means of expressing new implications of chronometric units are described.

Key words: *temporal code of language, a chronometric subcode, an emotive temporal subcode, aspects of time, a trope.*